

МАРИНА ЧУФИСТОВА

КОМПЛЕКТ ИЗ 3-Х КНИГ

Марина Евгеньевна Чуфистова

Отец Сережа. День, когда Бога не стало. Йалка.

Комплект из 3 книг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74358156

ISBN 978-5-389-34020-6

Аннотация

В данный комплект вошли три романа Марины Чуфистовой.

1. Отец Сережа: Ростовская область, хутор Богданов, река Верхний Донец, бесконечные камышовые заросли, чеховская тоска, разлитая в воздухе. Именно здесь получил приход молодой священник отец Сергей, а точнее, его сюда сослали из-за конфликта с церковным начальством. Отцу Сереже все кажется странным, а сам он неуместным: ездит на голубой «тесле», носит модные кроссовки, простые горести и радости местных жителей его пугают. Несмотря на «мирские» атрибуты, Сергей – глубоко верующий человек, когда-то не сомневавшийся в своем призвании, но теперь оказавшийся в глубоком кризисе. Постепенно священник втягивается в дела окружающих людей: бизнесмена Дуброва, поднявшегося на не самых честных делах в девяностые, старух-атеисток и подростка, сына алкоголички. Ему

не раз придется делать сложный выбор, через который он вновь обретет свой путь.

2. День, когда Бога не стало: Начало нулевых, южный шахтерский городок. 15-летняя Марина и 17-летний Женя пытаются вырваться из обыденности и найти себя в этом мире. Марина, столкнувшись с несчастной любовью и предательством со стороны подруги, ищет спасения в мормонской церкви. Женя, не понимая, чего он хочет от жизни, пытается плыть по течению мутных вод. Их судьбы связаны, каждый сталкивается со своей темной стороной и каждый проходит инициацию. Кажется, что в городе всегда темно, но кто-то найдет способ включить свет...

3. Йалка: Йалка Симонов – обычный парень, если не считать того, что он представитель нуоли – древнего северного народа. Тела нуоли покрыты густой шерстью, а вместо лица у них бездна, поэтому нуоли вынуждены носить специальные маски. Йалка живет в Ростове-на-Дону, работает в офисе, мечтает сделать карьеру в стендапе (пока получается не очень) и в целом ощущает себя неудачником. Но Йалка отлично знает, что ему никогда не удастся слиться с окружающим ландшафтом: он слишком не похож на остальных. Впрочем, и от культуры нуоли Йалка отдаляется все больше. Единственный ритуал, который он неукоснительно выполняет, – купание в холодной воде (не важно, в ванне или реке): это придает ему сил. Надеюсь что-то понять о себе, Йалка записывается на сценические курсы; параллельно с этим новым увлечением он влюбляется в коллегу – Натали, но ответит ли она ему взаимностью? И как быть с Элиной, девушкой-нуоли, которая, кажется, собирается выйти за него замуж? А главное, что делать с самим собой? «Как найти себя, когда ты с собой каждый день?»

Содержание

Отец Сережа	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Марина Евгеньевна
Чуфистова
Отец Сережа. День, когда
Бога не стало. Йалка.
Комплект из 3 книг**

© М. Е. Чуфистова, 2024, 2025, 2026

ООО «Издательство АЗБУКА», 2024, 2025, 2026

Издательство Азбука®

* * *

Отец Сережа

МАРИНА
ЧУФИСТОВА

О т е ц С е р е ж а

Глава 1

Веселое

Сергей шел к дому покойника. Размокшая земля заглатывала ноги в кроссовках, пачкая полы новенького подрясника. Машину пришлось бросить на обочине. Несколько пробоксовок, и колеса любимой «теслы» надолго бы вросли в тихую проселочную дорогу в Веселое. Сергей хотел пошутить по пути в это самое Веселое с Викой, что совсем там не весело, и что за три месяца еще не бывал он в нем ни по какому другому поводу, кроме как для отпевания, и что местные только и ждали нового попа, чтобы начать умирать. Но она ответила, что очень занята, и отключилась, недослушав.

Вдоль дороги стеной рос камыш. Сергей не очень разбирался в географии, но понимал, что камыш растет у воды. И теперь только и думал, как бы его «тесла» не сползла с обочины в эти камышовые заросли, за которыми, кто знает, как далеко разлилась река. Верхний Донец, как Сергей выяснил перед отъездом, был, в общем-то, тихой рекой, а каких-то десять лет назад и вовсе высохшим руслом, но от мысли, что экокожаный салон зальет тинистой водой, он пожегился. А может, он просто замерз на ветру под срывающимися ноябрьскими каплями.

Небо было тяжелым.

Тяжелым был и запах в доме. Сергей редко участвовал в

частных отпеваниях, прошлая служба мало обязывала, а если и бывал, то в дорогих поминальных залах. Только в таких отпевал отец А. Здесь же умирали так часто, что казалось даже, будто пройдет каких-то пару лет, и не останется никого ни в Веселом, ни в Богданове. Сергей поморщился и уже хотел достать мешочек с лавандой, которую засушила для него Вика, но не успел. Женщина в черном платке, с заплаканными глазами и неровными губами, попросила его разуться. Сергей тихо вздохнул и попытался пристроить свои грязные кроссовки в куче разномастной сельской обуви.

– Они тебя наказывают за то, что не пляшешь под их дудку, Сережа, ты это понимаешь? – говорил перед отъездом Ксан Ксаныч. – Погоди немного, я чуть оклемаюсь и дойду, если придется, до самого патриарха всея Руси, мать его!

– Папа, тебе нельзя нервничать, – перебивала его Вика.

– Они, падлы, рушат мою семью. Святоши-политиканы...

– Ксан Ксаныч, – отвечал Сергей, – какой смысл искать виноватых? В конце концов, нам как-то везло.

– Нет, Сережа, это не везение, это мои связи...

– Пап, Сережа не ребенок. Он знает, что делать.

– И что же делать, Сережа? Просвети нас.

– Свою работу.

«Делать свою работу», – сказал себе Сергей, прогоняя тоску по дому и настраиваясь на отпевание. Он будет делать все, что скажут. И когда-нибудь он сможет вернуться домой. К Вике.

В комнате с гробом было тускло, серый свет из маленьких окон едва пробивался сквозь спины скорбящих, а люстру никто не включал. Берегут электричество, уже уяснил Сергей. Ему пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверной проем. Он старался не дышать. Запах покойника давно перебили запахи шепота. Когда священник вошел, голоса стихли, кто-то вздохнул.

– Живый в помощи, в крове Бога небесного водворится...

У Сергея дрожали руки, он никак не мог вложить крестик усопшей, имени которой тоже никак не мог вспомнить. За три месяца службы тут он так и не привык к окоченевшим старушечьим пальцам.

– Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...

– Красивый, – кто-то шепнул громко. – На моего Кольку в молодости похож...

– Колька твой потаскун, Царство ему Небесное.

Сергей продолжал перелистывать темнеющие страницы, так и не выучил псалмы (отец А. знал наизусть), и стирать пот со лба. Он оглянулся на окошко за спиной, закрыто. «Только без паники, – говорил он себе, а может, даже вслух, – Валентина, Васелина, Владлена...» Он перебирал в уме имена, пытался припомнить, кто и когда заказывал панихиду. Воротник подрясника душил. Кто-то кашлянул, и Сергей пошатнулся, столик с иконой за спиной дрогнул.

– Голос какой, – кто-то снова шептал. – Мне его закажи,

когда помру.

Сергей продолжал читать. Кто-то зевал каждые две минуты, и от этого ему становилось совсем муторно, кто-то обсуждал домашние дела, которые ждут их после похорон, кто-то плакал, женщина, что заставила его разуться, дочь покойницы. Он переступил с ноги на ногу, и деревянные половицы скрипнули в ответ.

– Блажен путь, воньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место...

Кто-то повторял. Слово в слово. Не так, как учат в семинарии, скорее как когда пытаешься запомнить слова песни на языке, о котором не имеешь ни малейшего понятия. Сергей попытался прислушаться, откуда доносился этот звук, но старые подруги, которые перешли на обсуждение его подрысника, отвлекали. Сергей почти привык к тому, как на него реагируют, но, если бы умел краснеть, если бы эта способность не атрофировалась за годы службы, он бы краснел каждый раз, когда сталкивался с тем, как разглядывают его прихожане.

– К Тебе, Господи, воззову, Боже мой, да не премолчиши от мене...

Сергей смог наконец разобрать шепот и того, кому он принадлежал. Парень лет четырнадцати или шестнадцати, с бритым черепом и следами недавних прыщей. В руках у него подрагивал деревянный крест на четках, такие когда-то вешали на «Душу Монаха». Наблюдая за юношей, за тем, что

кому-то действительно не в тягость долгое отпевание, Сергей даже забыл о нехватке воздуха и смог дочитать ектению почти без запинки.

– Вечная память, вечная память, вечная память.

Почти скороговоркой Сергей проговорил прощальную молитву и поспешил к выходу. Ему стоило бы сказать что-то от себя, как делал всегда отец А., но выдержать еще хотя бы минуту взглядов казалось невыносимым.

Во дворе он глубоко вдохнул мокрый воздух и выпустил облако пара. Похолодало, но грязь не замерзла. Несколько мужчин курили. Ему самому хотелось покурить – грех еще с семинарии. Он машинально потянулся к карману джинсов под подрясником, но тот был пустой. Электронная сигарета осталась в машине. Сергей посмотрел на мужика, стоящего отдельно, он будто не замечал никого, внимательно смотрел куда-то вглубь двора и курил. Сергей подумал, как обыденно он это делает. Сигарета – не маленькая приятность как награда за что-то, а банальная привычка. Он не верил в привычки, он им не доверял. *Нет ничего пошлее, чем потакать своим привычкам.*

– Угостите сигаретой?

Мужик молча достал из нагрудного кармана пачку и протянул священнику. Сергей взял одну, в голове промелькнула мысль взять еще на обратный путь, но не стал. Мужик так же молча подал полупустой коробок спичек. После нескольких тщетных попыток прикурить мужик протянул сигарету,

от которой Сергей и поджег свою. Он сначала глубоко втянул и закашлялся. Крепковаты. Стал чуть медленнее затягиваться, и только тогда наконец сердце, всю панихиду быстро качавшее кровь в страхе задохнуться, замедлило темп. Руки перестали дрожать, хотя костяшки от холода побелели. Сергей затянулся уже смелее и расправил плечи. В домике с маленькими окнами и низким потолком он будто старался уменьшиться, согнуться, стать компактнее, стать незаметнее. *Выбирая такую профессию, ты навсегда становишься заметным.*

Серый кот крался вдоль стены. Мужик наблюдал за ним. Кот остановился, какое-то время тоже таращился на них, потом продолжил путь. В конце соседского двора над сараем высилась треугольная крыша. Сергей только что заметил здание почти вдвое выше остальных, с флюгером-петушком. Он не двигался. Казалось, ржавчина навсегда пригвоздила тонкие куриные лапы к жердочке. «И никогда не суждено ему больше воспеть», – напевала в детстве мама. Что-то бардовское.

– Не жилец он, – сказал мужик.

Кот вытянул тело, готовясь к прыжку. Вся облезлость куда-то исчезла, и весь он являл собой зрелище весьма впечатляющее, как дикий зверь в естественной своей среде.

– Опа! – подпрыгнул мужик, но сделал это как-то странно. – Ну жучара!

Кот придавливал к земле сизого голубя, который еще тре-

пыхался. Серое лоснящееся кошачье тело не двигалось, зубы сомкнулись на белой шее, сквозь тонкие перышки которой проступали первые алые капли. Мужик смотрел заворуженно. Сергей почувствовал тошноту и сильнее затянулся тлеющей сигаретой.

– Жди, жди, – подсказывал мужик. – Не суетись.

Казалось, кот слышит и понимает его. Он расставил задние лапы, чтобы крепче держать добычу, и стал ждать. Голубь тарасил свои глаза, будто пытаясь понять, что с ним произошло, почему его тело вдруг парализовало. Он сделал несколько попыток высвободиться, но с каждой такой попыткой надежда в его черных глазках гасла вместе с блеском.

– Хана тебе, Тихон! – присвистнул мужик. – Это ж хозяйский любимчик.

Наконец птица затихла, и Тихон потащил ее куда-то за сарай.

– Съест? – спросил Сергей.

– Да не, – ответил мужик. – Это так, для забавы.

– Надо было помешать...

– Как же! Вмешиваться в Божий промысел?

Мужик выбросил окуроч на землю и пошел в дом. Не пошел, поковылял, как-то странно заноса правую ногу.

До кладбища, единственного на Богданов и Веселое, можно дойти пешком. Сергей смотрел под ноги и на свои превратившиеся из зеленых в серые кроссовки. Ему же не непременно каждый раз бывать на кладбище. Можно ограничить-

ся домашним отпеванием. Он решил, что обязательно обсудит этот вопрос с кем-нибудь. С кем? Епархия будто забыла о нем, забыла о Веселом, где нет своего храма, забыла о Богданове и Никольской церкви вместе с ее настоятелем, с ним, отцом Сергием. Не забыла, правда, о часовне рядом с «Дубравой». Но о ней Сергей не хотел думать. Долгие переговоры, а епископ называл это «бессмысленными торгами», сначала с отцом Нектарием из Андреевской церкви, потом с благочинным, который «вне политики», привели лишь к тому, что читать Часы в ней предстояло Сергею. И с того решения прошло больше месяца, а отец Сергей так и не появился в этой «Дубраве». Он оправдывал себя только своей непомерной занятостью отпеваниями.

Гроб установили на две табуретки, ножки неравномерно утопали в кладбищенской грязи. Сергей переступал с ноги на ногу, чувствуя, как липкая жижа уже коснулась его носков. Скорее бы это закончилось. Так думали и могильщики, стоявшие тут же среди родственников и друзей, опершись на лопаты. Холм земли за ночь и утро уже впитал всю влагу, что мог, и теперь им предстоит тяжелая работа. И оплату они получили вперед. Без учета коэффициента за трудность.

Сергей зацепил пальцами комочек земли и бросил на гроб. Сделал так три раза. За ним последовали остальные. Кто-то горько заплакал. К слезам Сергей уже привык, но этот плач показался слишком уж жалобным. Он огляделся по сторонам. Плакал бритый парень. Кем ему приходилась покой-

ница? Бабушкой? А разве имеет это значение? Страдать по усопшему естественно. Они не верят в бессмертие души.

— Ну скажи мне, Сережа, — любил говорить Ксан Ксаныч, когда выпьет. — Неужели я никогда не умру?

— Тело умрет, это неизбежно, но душа будет жить вечно.

— И где же она будет жить?

— С Господом нашим.

— А не тесновато там?

Тесть был человеком, воспитанным родителями-коммунистами, выросшим в перестройку и сделавшим бизнес в эпоху смены одного государства другим. Как он мог верить в какого-то Бога, когда ему самому пришлось строить свою жизнь. Он верил только в себя. И верил крепко. Иногда священнику вера тестя в свое всемогущество казалась сильнее его собственной веры.

С кладбища Сергей шел, ни к кому не присоединяясь, но и не отдаляясь. Вдруг кто-то захочет поговорить, утешиться. Раз уж он оказался здесь, нужно исполнять свой долг до тех пор, пока что-то не изменится. Местные все еще сторожились нового священника. И Сергей знал с юности, что есть в его внешности что-то настораживающее. Отец А. говорил, что он кажется букой и, чтобы убедить людей в обратном, нужно очень постараться. Как это сделать, отец А. не сказал. Как не говорил очень многого. *Когда-нибудь ты все поймешь.*

— Отец Сергей, батюшка.

Его догоняла дочь новопреставленной Василисы. Платок от быстрого шага съехал, оголив крашенные волосы. Женщина тащила за руку того самого лысого парня.

– Отец Сергей. – Женщина растягивала слова. – Мой сын Матвейка... в общем, ему нравится все это.

Она как-то неопределенно указала на священника.

– Похвально. – Сергей не знал, что еще сказать. *Будь милее.*

– Возьмите его к себе.

Сергей посмотрел на женщину внимательнее. Желтые с темными корнями волосы, коричневые нарисованные брови, заваленный куда-то вбок рот и покрасневший распухший нос. Только что она оплакивала мать и вот уже включилась в повседневные заботы, от которых избавляет только собственная смерть.

– Сколько тебе лет, Матвей? – спросил Сергей.

– Восемнадцать, – ответила за него женщина. – Весной вот из училища выпустился, а работы нет. Говорят, езжайте в город или куда подальше. А только знаю, что работа и здесь имеется, но платить не хотят. Он столяр неплохой. В этой «Дубраве» же любят всякие деревянные безделицы. Понавезли за три копейки чурок и делают свой бизнес. Проклятые капиталисты! Управы на них нет...

Красный Матвей дернул ее за рукав.

– А что не надо, что не надо! – Она начала кричать. – Погляди вокруг. Ведьдохнем как собаки... бабушка, думаешь,

просто так умерла?

Мужик, с которым Сергей курил во дворе, поравнялся с ними и замедлил свой хромой шаг.

– Иди, куда шел! – крикнула женщина. – Греешь тут уши. Не все тут продажные...

– Дура ты. – Мужик сплюнул на землю и похромал прочь. Она еще долго говорила, а Сергей не слушал. Он и так знал, что обычно говорят в таких случаях. Мало хорошего и мало по делу. Она мечтает наконец перестать волноваться за своего сына, спихнуть его на чужие плечи. Еще он думал о мужике, кого-то он ему напоминал. Но кого? Сторожа и садовника Антона. Только без бороды. Он совсем забыл о том, что у Антона есть брат. Антон мало о нем говорит. Антон вообще мало говорит.

Когда женщина замолчала, Сергей пообещал подумать о ее сыне, благословил их и поспешил к дороге, на которой надеялся найти свою «теслу». Взять мальчишку он не мог. Пожертвований не хватало даже на собственные нужды. Дьякон, прислужница Машенька, хотя она каждый раз отказывалась от зарплаты, сторож Антон – вот и все немногочисленное хозяйство. (Интересно, как епископ рассчитывал выиграть в зачем-то снова начатой тяжбе?) Платить из своего, точнее, Викиного кармана было неправильным.

Ноги в кроссовках промокли, и Сергея знобило. Он почти бежал к машине, которая никуда не делась за пару часов. В салоне пахло кокосом и холодом. Ароматизатор повесила

Вика, она любила все кокосовое. Особенно раф и печенье. Сергей пожалел, что не захватил из дома термос с чаем. Он обычно не думал о таких вещах. Это жена могла знать наперед, что он промочит ноги, и положить ему сухие носки и кроксы для машины, налить горячего чая в термокружку и даже бросить в сумку пару энергетических батончиков. Она умела думать наперед.

Печка в машине работала, но Сергей никак не мог согреться. Ехать из Веселого в Богданов пятнадцать минут, а по разбитой дороге на низкой машине и вовсе полчаса. Ему нужно успеть на встречу с помощником Дуброва. Он слышал про него от Антона. То немного, что вообще он слышал от Антона. Помощник ему не нравился, это Сергей понял без слов. Антон говорил лишь, что отцу Никите, почившему прошлому настоятелю, этот помощник выпил немало крови. Оттягивать эту встречу больше нельзя. Пора взглянуть страху в лицо. Как же Сергей боялся. Из отчетов он знал, как тяжело приходится священникам в бедных приходах и как каждый из них идет на сделку с совестью, чтобы как-то протянуть до следующего отчета. И если в твоей пастве есть богатый прихожанин, грех этим не пользоваться. Три месяца ему удавалось притворяться очень занятым расстроенными делами прихода, который ему не передали как полагается по причине безвременной кончины предыдущего настоятеля. Больше тянуть нельзя.

Он выехал на асфальт и вдавил педаль газа в пол. Вибра-

ция передалась в пальцы, и Сергей крепче сжал руль. Он почувствовал даже что-то похожее на удовольствие.

Сергей подъезжал к дому, когда позвонила Вика. Она наконец смогла найти время, чтобы поболтать. Он же опаздывал на назначенную встречу и поэтому не смог сказать ничего, кроме банального «Я перезвоню!».

Можно было бы припарковаться у храма и выиграть несколько минут, но что-то внутри не позволяло это сделать. Какое-то чувство, похожее на стыд, преследовало его с тех пор, как он поселился в Богданове. Электрокар смотрелся тут инородно, даже вызывающе. И священник предпочитал лишний раз его спрятать от посторонних глаз. Хотя и это едва удавалось. Во дворе его нового дома мало места, поэтому приходится бросать машину на улице. Кто-то даже спустил однажды шины. Не порезал их, но украл ниппели. Это больше походило на тайную страсть к блестящим мелочам, чем злой умысел.

Сергей подумал, что неплохо бы в ближайшие дни выкорчевать сорняки на заднем дворе и ставить машину туда, но тут же забыл об этом, когда вбежал в храм и увидел человека в чиновничьем костюме. Они всегда сидят нелепо на людях вроде всяких помощников.

– Отец Сергей, я так рад наконец с вами познакомиться. Долго мы не могли встретиться. Все в делах, все в делах.

Помощник шел навстречу с вытянутой рукой, и только Сергей протянул свою, как тот резко преклонил колено и по-

тянулся к руке губами. Священник отдернул руку в смущении и оглянулся. Машенька, которой тут быть не должно в это время, у нее работа в соцпомощи, с тряпкой испуганно наблюдала эту сцену. Сергей перевел взгляд на грязные следы от своих кроссовок на каменном полу и пробормотал:

– Очень приятно.

Помощник Дуброва с безразличным видом встал с колен, поправил на себе плохо сидящий костюм и перекрестился, ни на кого не глядя.

– Благословите, отче, – сказал он и склонил голову.

– Бог благословит. – Сергей перекрестил воздух над его головой.

Сергей не мог бы сказать, что именно было нелепым в костюме этого человека. Болотный ли цвет, искрящаяся ткань или тот факт, что он невозможно плохо на нем сидел.

– Где мы могли бы переговорить с глазу на глаз, – сказал помощник и покосился на Машеньку. – Тема деликатная, сами понимаете.

Сергей не понимал.

– Пройдемте, – только и сказал он и повел к лавке у стены рядом с алтарем.

Первое, что сделал Сергей на новом месте, – велел Антону найти пару лавок, чтобы прихожане могли сидеть. И хотя многие боялись сесть, куртки и сумки складывали охотно.

– Приготовить чай? – спросила тихо подошедшая Машенька.

– Я сам, – сказал Сергей и посмотрел на нее взглядом, не терпящим возражений.

Этот взгляд он редко использовал с Викой, скорее она была тем человеком в их семье, кто не терпел возражений. Но с Машенькой Сергеем пришлось научиться общаться этим способом. Он смирился с тем, что она прибирала в алтаре (какое-то особое благословение прошлого настоятеля и самого епископа), ему даже нравилось, что там всегда чисто, как и то, что она заваривала вкусный чай. И хотя у нее не было матки, что-то случилось еще в юности, и не считалась женщиной (опять же по установлению отца Никиты), при посторонних лучше лишний раз не распространяться об их внутренних порядках. Хватало того, что старый дьякон каждый раз кашлял, когда видел Машеньку. Иногда он закашливался до рвоты.

– Я же не представился. – Помощник хлопнул себя по лбу. – Дурья моя голова... ой, прости, Господи.

Он перекрестил рот. Сергей уже понял, что это спектакль.

– Котовский. – Он встал навытяжку и даже стукнул каблуками своих дешевых ботинок. – К вашим услугам.

– Просто фамилия?

– Александр, если вашему святейшеству так угодно.

У Сергея начинала болеть голова, и хотелось, чтобы Машенька приготовила чай. Но вместо этого он сам бросил по чайному пакетику в чашки и залил водой из выключенного кулера. Он не собирался заваривать для этого гостя индий-

ский крупнолистовой, что подарили Люся и Катуся на той неделе.

– Я помощник Дуброва по всем вопросам.

– Что это значит?

Сергей уже чувствовал запах собственных мокрых носков. И боль в висках усиливалась.

– Это значит, что я решаю абсолютно все вопросы. Ничто не дойдет до него, не пройдя сначала через меня. Тот же принцип и в обратную сторону.

Священник скорее из вежливости кивнул и протянул Котовскому чашку с каркаде. Никто не любит каркаде, разве что старый дьякон, поэтому Сергей наслаждался тем, как скривилось лицо помощника, когда тот отпил. Еле теплый.

– Терпеть не могу каркаде, – проговорил Котовский.

– Давайте заварю вам другой. – Сергей сделал вид, что собирается встать. – Есть рябина.

– Ой, не надо. – Котовский махнул рукой. – Допью этот. Все-таки полезно. Да?

– Для сердца, – согласился Сергей. – Расширяет сосуды...

– Коньяк расширяет сосуды, – перебил Котовский. – Ой, простите Христа ради.

Котовскому на вид не больше двадцати пяти, но отчего-то он вел себя как человек вдвое старше. Интересно для чего. Как говорил отец А., именно таких людей нужно опасаться. Нет, не бояться, потому что страх делает их сильнее, а быть начеку. Такие люди надевают маску и никогда уже ее не сни-

мают. Не стоит покупать на дешевый костюм и ничтожную должность. Эти люди очень тщеславны и рано или поздно выдают себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.